

Мария Башняк

Тьма

Мария Башняк

Тьма

«Издательские решения»

Башняк М.

Тьма / М. Башняк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934118-1

На город М* обрушилась тьма. Незаметно и неожиданно. Однажды солнце зашло за горизонт и больше не появлялось. В городе М* началась паника, и это было предопределено. Перед вами удивительная история личности и общества в целом. Двадцать три дня странствий. Двадцать три вспышки в темноте. Вы найдете двадцать три ответа, среди которых и самый важный: что такое жизнь? Почему герой ищет ответы во тьме? Потому что тьма — истинная природа света...

ISBN 978-5-44-934118-1

© Башняк М.
© Издательские решения

Тьма

Мария Башняк

© Мария Башняк, 2018

ISBN 978-5-4493-4118-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

На город М* обрушилась тьма. Незаметно и неожиданно. Однажды солнце зашло за горизонт и больше не появлялось.

Мартин сидел на вершине сопки в ожидании рассвета. Поначалу он был воодушевлен надеждой, но вскоре ее обволокла беспросветная тьма.

От домов, улиц, машин, памятников, деревьев не осталось и контура. Даже люди потеряли свои силуэты. Оттого ли, что были так же черны, как и тьма, или, напротив, потому, что были кристально прозрачны и, поэтому, невидимы во тьме.

Все поглотила она... тьма.

Первое время люди по привычке ходили на работу, в магазины, школы. Однако скоро привычные образы стали стираться даже из их сознания. Тьма проникла и сюда.

Ничего больше не существовало. Ничего. Только тело, которое ощущалось благодаря биению сердца и выделяемому теплу. Глаза, руки, ноги существовали без надобности. Только сердце ритмично стучало в тишине, напоминая о присутствии жизни. Однако вскоре, привыкнув к монотонному стуку, человек уже не ощущал свое тело, и оно перестало существовать. Тьма поглотила его.

Ничего больше не существовало. Ничего не было. Даже тела. Только что-то не давало покоя, непрерывно болтая и выстраивая сотни тысяч вариантов и комбинаций. Это был разум. Он все еще был. Но потом он устал и куда-то исчез. Думаю, заснул.

Но все равно нечто нарушало мировую тишину. Появлялись образы. Они были ватные и полуфантастические. Потом и их не стало.

Каждый человек города М* остался наедине с самим собой. Без мишуры, отвлекающих предметов и фраз. Один на один.

В городе М* началась паника. Жители не были готовы к откровению. Испытание оказалось непосильным. В одночасье они обратились не вовне, а вовнутрь, и это испугало. Мало кто оказался готов познать себя, увидеть свою сущность. Не было больше отвлекающих от сути глаз, рук, движений, звуков, ушей. Не было ничего лишнего. Осталось лишь самое главное – душа. Душа, которую привыкли не слышать, истина которой едва доносилась сквозь толщу вульгарного смеха, пошлых разговоров, отвратительного поведения и поступков, черного завистливого глаза и череды бессмысленных движений.

Когда привычная мишура улетучилась, каждый вдруг почувствовал абсурдность заданного ритма и осознал, что все это не настолько важно. Знакомство с собой во тьме убивало то, что казалось настоящим, ради возрождения того, существование чего не ощущали, но что являлось единственной правдой среди маскарада света и тени.

Кто захочет признать, что все его труды напрасны, что все, что он делал, – пустой бег по кругу. Кто, признав поражение, сможет сделать что-то по-настоящему стоящее, пускай длиною в полшага и ценою в жизнь?

Итак, в городе М* началась паника, и это было предопределено.

Лишь Мартин сидел на сопке в ожидании солнца, которое должно было спасти или вновь оградить жителей города М* от самих себя.

День первый

Лишь только один житель города М* рукоплескал тьме. Это был человек без лица. Когда-то потеряв привычную внешнюю форму, он вдруг утратил внутреннее содержание в глазах окружающих.

Ах, эти глаза... Смотрят, да не видят. Как когда-то Эдип избавился от них, так и город М* лишился света во имя прозрения.

Благодаря тьме, поглотившей изуродованную внешнюю форму, человек без лица вновь обрел внутреннее содержание. Его внешность более не вызывала ужас и отвращение. Уродство формы окутала тьма, и он перестал быть изгоем общества. В первый же день сотни рук, которые отныне выполняли функцию глаз, исследовали каждый сантиметр омерзительных шрамов, но, вместо гадких реплик в свой адрес, человек без лица слышал лишь робкие извиняющиеся незнакомые голоса.

Вскоре у человека без лица появилось много друзей и знакомых. Его альтруизм и человеколюбие породило всеобщую любовь и признание. С приходом тьмы человек без лица превратился в прекрасное творение, идеал, к которому стоит стремиться каждому. Так считало его окружение. Ни о какой магии здесь речи не шло. Человек без лица остался прежним. Город М* ничуть не изменился, да и его обитатели не подверглись метаморфозам. Изменилось видение.

Слепая девушка, пожалуй, была единственной жительницей города М*, в жизни которой, с наступлением тьмы, ничего не произошло. Разве что теперь, по мнению окружающих, она превратилась в поводыря во тьме. Из слепой она вдруг стала самой видящей обительницей таинственного города, утратившего свет.

Для художника отсутствие света было сопоставимо с апокалипсисом. Он вдруг осознал свою никчемность и беспомощность. Основа его мировоззрения испарилась. Формы, игра света и тени – все это прекратило свое существование. Кто он теперь и зачем существует?

Музыканту повезло чуть больше. Чтобы путешествовать по галактикам, ему не нужен был свет. Он вполне обходился звуками и совершенством воспроизводимых гармоний. Музыкант и раньше-то любил играть с закрытыми глазами. Наличие света зачастую лишь отвлекало его от сути. Одним словом, даже во тьме он чувствовал себя вполне комфортно, но, опять-таки, не вследствие самодостаточности, а благодаря наличию музыкального инструмента.

У человека без лица были его омерзительные шрамы. У слепой девушки – ее слепота. У художника – видение. У музыканта – инструмент.

С наступлением тьмы условие уравнивания осталось прежним, но произошла подмена реальности путем чрезмерного наличия тьмы за счет отсутствия света. В результате изгой общества – человек без лица – превратился во всенародного любимца, слепая девушка повела всех за собой, художник оказался на распутье, а музыкант все так же продолжал путешествовать по мирам благодаря божественным звукам, возникающим в результате умелого симбиоза техники игры, внутреннего мотива человека и музыкального инструмента.

День второй

Мир опустел. Город затерялся в небытие тьмы. Закрыв глаза, иду по полю. Куда? Кто я теперь? Где свет и цель? Где солнце?

Открываю глаза, но ничего не меняется. Тьма зловеще обволакивает меня и заставляет скукожиться, превратиться в точку, раствориться в невидимо-неведомом. Открываю глаза шире, пытаюсь разглядеть хоть что-то, но все тщетно! Нет ничего. Или, все же, есть? Ведь я есть. Так почему кому-то другому не быть. Кому-то другому, такому как я. Или не такому... Впрочем, это не важно! Я иду, но теперь не знаю, куда. А знал ли раньше, куда шел? Вряд ли. Только сейчас, с широко закрытыми глазами, я осознанно пошел по своему пути. Я здесь и я есть. Я ощущаю дыхание каждой своей поры. Я больше не отражение в зеркале мимо проезжающего автобуса. Я – человек.

Чей-то голос сказал, что нужно идти вперед, что там, вдали, обязательно будет свет. И я пошел. Было холодно, мокро и сыро. Какой-то странный запах витал в округе. Веяло святостью и смертью. Стало жутко, но куда бежать? Некуда. От себя не убежишь. Яркая вспышка света на мгновение пронзила тьму, словно стрела. Прозвучал душераздирающий взрыв. Запахло кровью. Я замер. Земля вздрогнула и заплакала. Я припал к ней, стараясь утешить. Я целовал ее шрамы и свежие раны. Но ее трясло все сильнее и сильнее. Спустя какое-то время она разразилась громким нечеловеческим вселенским рыданием. Ужасно. Я думал, что не переживу этой боли. Будто из самых глубоких недр доносились вопли матерей погибших солдат, невинные растерянные слезинки детей, горькие слезы стариков. И глубокая, невыразимая, невыносимая обида в одном единственном вопросе, сказанном пересохшими от боли и страдания губами: «За что?!».

– Не терзай себя, – произнес чей-то голос за моей спиной. Леденящим холодом повеяло от того, кто стоял позади. Незнакомец излучал минус 195,8 градусов по Цельсию и был рыхлый, как добротный чернозем, обрабатываемый сотнями тысяч червей. Я не видел его, а ведал. – Не терзай себя, – повторил он, – не расточай силы попусту, они тебе еще понадобятся. Ты иди, не останавливайся.

И я пошел по дышащей земле. Я ощущал движение под своими ногами. Я утопал в живой массе. И что-то мне подсказывало, что это были трупы недавно павших на поле боя солдат, в спешке перерабатываемых беспозвоночными животными и прочими простейшими. Что тут поделаешь. У каждого своя работа. Я шел и тихо плакал. Каждый шаг болью отражался в моем сердце. Не было пути в обход, в облёт. Только по ней, родимой, ведающей все. Я, человек земли, не мог не идти. Поэтому шел.

Чьей правдой устлана наша дорога? Является чья-то правда нашей тоже? Было две правды, два камня на соседних вершинах горных цепей, соединяемых глубоким ущельем. И вот они покатались навстречу друг другу, и столкнулись на самом дне, и разлетелись тысячами мельчайших осколков, и их не стало, обоих. И чьей правдой теперь устлано самое дно ущелья? И кто победил? И что осталось? И отпустила красна девица косы, а добрый молодец бороду, чтобы найти ответы на потерянные во времени истины.

А я иду и слышу плач. Пока одни глумятся над костями усопших, устраивая оргии, пропитанные злорадством и чувством восторжествовавшей справедливости, другие тихонечко стонут от душевной боли над свежей могилой, изнемогая от беспомощности, безысходности, моля Бога лишь об одном – о прозрении палачей и чистосердечном покаянии. Святая сказка слишком аморфна в сравнении с серыми буднями, где святость залита кровью, где зло порождает зло мгновенно – стоит лишь приблизиться на расстояние выстрела.

Я жил. Никого никогда ничем не обидел. Кормил голубей и диких животных. Писал стихи и песни. Играл на скрипке. Помогал ближнему. Сопереживал всем и каждому. Страдал

за судьбу африканского народа, за судьбы всех брошенных, отвергнутых, обиженных, покалеченных, обделенных.

Одним ненастным вечером я узнал, что меня ненавидят. НЕ-НА-ВИ-ДЯТ! И хотят убить. За что?! За то, что я не просто существую, а хочу иметь собственное мнение. За то, что во мне нет зла, ненависти, корыстолюбия. За человечность. За любовь к ближнему. За нежелание делить мир на «своих» и «чужих», на друзей и врагов, на белых и красных. За желание жить в мире, где нет места насилию и сверхприбыли, безумным песням и пляскам в угоду чьих-то интересов. Так что меня, убивать за это? Кто давал вам право приходить на мою землю и убивать меня только за то, что я – человек земли, который безумно любит свою планету, почитает предков, остается верен своему роду и не боится говорить неудобную, неуютную некоторым правду. Моя правда не убивает и не вредит, но она мешает другим безнаказанно убивать и вредить. Другими принято решение: уничтожить меня вместе с моей правдой, дабы развязать себе руки и узаконить совершаемый вред, убийство, насилие в мире, где больше не будет правды, где каждый превратится в говорящий ящик на толстеньких коротких ножках, пахнущих разлагающимися продуктами жизнедеятельности.

Я слышу ритмичные звуки марширующих баранов. Они бьют в барабаны, сделанные из собственной шкуры, и весело бегут на зов мясника. И вот один баран ринулся вперед и повлек за собой целое стадо радостных баранов, скачущих от счастья, издающих восторженные звериные возгласы. И вот отвесная скала. И вот полетел первый баран, второй, третий, десятый, сотый. И все скачут, визжат. И все продолжают бежать к отвесной скале и совершать бессмысленное жертвоприношение.

Что тут скажешь. Поздравляю. Жаль, что это не героизм, а глупость, граничащая с тупостью и недалекостью ума.

А я иду мимо них. Без сожаления, но с болью в сердце. Иду с каменным взглядом, будто без души. Души... Души душат людей каждый день. Страшен не такой день, а другой – в котором некому будет душить. Настал ли он или это лишь прогон перед премьерой? Чего же тогда ждать в тот день, когда в театре все случится по-настоящему? Все того же набора, накала и, конечно же, аншлага, что и две тысячи лет назад. Билеты проданы, господа! Представление начинается.

И вот я сижу в первом ряду, держу в руках призовой билет, о котором никого не просил, и будто бы должен быть рад, но чувствую какую-то безысходность от невозможности отказаться от приза. В отчаянии пытаюсь вырваться в одну из дверей, но всякий раз наталкиваюсь на любезного доброжелателя с сочувствующим взглядом, пытающегося меня утешить. Не надо меня утешать! Заберите счастливый билет и отпустите меня! Но нет, билеты проданы господином Никем бесплатно, а значит вернуть их нельзя и некому. Господин Никто решил и постановил, каким будет мое счастье и что для этого нужно. Сегодня вечером выходит постановка – и изменить ничего нельзя. Я возвращаюсь на свое место, гаснет свет и шоу начинается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.